Московский Комсомолец
г. Москва
9 МАЙ 1984

ТРУД ДУШИ

Удивительное дело: половину сборника Давида Самойлова «Улица Тооминга» составляют стихи о разном и написанные в разное время, другую половину — переводы очень непохожих друг на друга поэтов разных эпох. В предисловии поэт даже считает нужным специально оговорить, что «все они навеяны Эстонией — ее природой, ее морем, ее историей, ее людьми». Но это не книжка «по случаю»: Эстония — целая полоса в жизни Давида Самойлова, здесь у него теперь и дом, и друзья, и рабочее место.

В издательстве «Советский писатель» почти одновременно вышла новая книга «Залив» — перед нами все тот же Самойлов, один из замечательных поэтов фронтового поколения. Чуткий, умный, открытый. Такой же мастер. «Мы не меняемся совсем», — заявляет он. Но все же время не проходит даром:

Усложняюсь,
усложняюсь —
Усложняется душа.
Не заботясь
о прошедшем,
В будущее не спеша.
Умножаются значенья,
Расположенные в ней.
Слово проще,
дело проще,
Смысл творенья все
сложней.

«Залив» заметно ровнее, спокойнее других его сборников. Драматизм ситуаций, столкновение догадок, эмоциональные рывки и метания перешли в иное качество — обернулись драмой души, болью, чаще вспоминаемой, горьким спокойствием человека, подводящего итоги. Перед нами не столько наблюдатель, сколько мыслитель. Поэт осознает свое право на суд, на суждение об истине.

О, старости единственное
право —
Спокойным словом
страсти умерять.

Слово ,это веско и опредеденно. Правда, первый взгляд снова видит, казалось бы, присущую Самойлову неотточенность, незаконченность, небрежность («Души моей небрежный черновик»). Но это не неотточенность, не простое пренебрежение литой формой. Это свободный полет мысли, минующей суетные приличия— к великому и вечному:

Я сделал свой выбор.
Я выбрал залив.
Тревоги и беды от нас
отдалив.
А воды и небо
приблизив.
Я сделал свой выбор
и вызов.

Позавидовать можно: дух, свободный от суеты! Свободный-то свободный, но не ленный. «Труд души» — как верно сказано! Труд души — вот от чего нельзя уйти поэту.

Мне кажется, что и переводит-то Самойлов только тех поэтов, душевная организация которых близка его собственному внутреннему миру.

Один из переводов, помещенный в «Улице Тооминга», — миниатюра Яана Кросса:

Ты начинаешь различать
добро и зло
и видеть красоту
и безобразье
в обыденных предметах.
Это значит,
что наступила зрелость.

Знаю, что подстрочный — а потому ущербный — перевод этого стихотворения выглядит совсем иначе. Но мысль та же. Кого здесь больше — Самойлова или Кросса?

Поэт Олег Дмитриев сказал: «Переводы много берут у поэта. Но немало и дают». Думаю, эстонская поэзия кое в чем повлияла и на оригинальное творчество Самойлова. Может, спокойствие, неторопливость интонации в новых стихах поэта — следствие не столько возраста и раздумий, сколько влияния сдержанной по природе своей эстонской лирики? Неблагодарным занятием было бы искать прямые аналоги и заимствования, воздействие такое сложнее и тоньше. Может, стихотворение Я. Кросса «Автобиография вспять» стало толчком для написания блестящего самойловского:

Обратно крути
киноленту,
Механик, сошедший
с ума,
К тому небывалому лету,
За коим весна и зима!..

И все же основной источник поэзии Давида Самойлова — жизнь и русская культура, ее глубочайшие пласты, наследие многих поколений художников. В его лирике — настороженное внимание к душе, к тончайшим переливам чувства, удивительная способность пророчествовать и озорничать одновременно («Я сделал вновь поэзию игрой»), меткость густой, афористичной мысли и легкий, изящный слог. Это — от Пушкина.

Пусть нас увидят без
возни,
Без козней, розни
и надсады.
Тогда и скажется: «Они
Из поздней пушкинской
плеяды».

Хотя утверждает поэт: «и теперь понимаю, что происходит и что произойдет из того, что присходит», взгляд его чаще обращен все-таки в прошлое, к тому, что уже произошло. «Лишь память, лишь память дана нам, чтоб ею навеки болеть». Уединение не может не вызывать мысли о прошлом. Залив бескраен, уединение безбрежно. Труд души перемалывает, в который раз, минувшую жизнь. «Листаю жизнь свою, где радуюсь и пью, люблю и негодую...».

Детство, девочка, кинозал.
Война, окопы, двадцать лет.

Все это прошлое осталось. Остались звезда, ночь, залив. Бессонница. Осталась память. И осталась — душа. И этого достаточно.

А. МАЛЬГИН.

333